

Михаил Волконский

ЗАПИСКИ ПРАДЕДА

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волконский, М.

В67 Записки прадеда / М. Волконский. — М. : T8RUGRAM,
2018. — 230 с.

ISBN 978-5-521-77844-7

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) – русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

События увлекательного романа «Записки прадеда» переносят читателя в неповторимую атмосферу времён царствования Екатерины Великой. Вместе с главным героем, Сергеем Орленевым, читатель погрузится в мир захватывающих дворцовых интриг и раскроет секреты невероятных события...

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Молодой Орленев	7
Сила тайны слова	20
«Она»	32
Человек, сидящий на камне	42
Потемкин	53
Два пути	63
Победная колесница	81
На весах счастья	97
Светильник	114
Сфинкс	126
Лев	137
Повешенный	150
Смерть	163
Повесть Гирли	174
Демон	185
Сон	194
Восьмиугольная звезда	201
Сомнение	211
Истина	217
Отчего был счастлив Гирли	224
Заключение	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучать XVIII столетие, в особенности конец его, и оставлять без внимания ту несомненную склонность к мистическому и таинственному, которая служит одной из характерных черт этого времени, так же невозможно, как писать картину без фона. Волей-неволей приходится считаться с этим явлением, когда есть несомненные данные, что даже такие люди, как светлейший князь Тавриды — Потемкин, были вовсе не чужды влияниям мистического течения.

Зная, что меня интересует эта сторона жизни прошлого века, один из приятелей моих доставил мне найденные им у себя в деревне записки своего прадеда.

Рукопись оказалась не лишенной интереса и очень характерной и послужила содержанием предлагаемой повести, расположение которой по главам вполне соответствует первоначальному источнику. Изменено лишь изложение, сделанное более удобочитаемым слогом, придана литературная обработка и взяты вместо подлинных вымышленные имена и фамилии некоторых действующих лиц.

На рукописи сделаны довольно искусно пером два рисунка, иллюминированные красками. Один, на заглавном листе, изображает человека в белой длинной одежде с обручем на голове. Левой рукой он показывает на землю, а правую, в которой держит жезл, — поднял. Пред ним куб с лежащими на нем чашей, мечом и диском. На другом рисунке, помещенном в конце, — слепой с полным мешком за плечами плетется ощупью, не видя, что пред ним

на поверженном обелиске разинул на него пасть огромный крокодил.

«История сия, — говорит автор записки в своем предисловии, — вполне правдива, ибо имеет предметом своим не праздный вымысел, но правду истинную. Уразумением ее да просветит свой разум мудрый, а глупец, видящий в чтении лишь препровождение времени, пусть скажет: «Сие не токмо произойти не могло, но даже и невероятно!» Смущаться ли мнением неразумных, коих удел есть верхоглядство и мракобесие!

Но прочесть с пользой желающий в смысл изложения таковой пусть вникает и по трезвом размышлении истину от лжи отличит, ибо истина мудрому сама по себе понятна станет.

Для сего единственным пособием собственный разум и чистота сердца послужат. Неразумному, сколько ни толкуй, все темно, непонятно и сомнительно будет, а мудрый в том самом свет обрящет, от чего у глупого глаза слепнут, ибо свет для глупого тьмы горше!»

МОЛОДОЙ ОРЛЕНЕВ

I

У веселого, симпатичного всем Кирюши Доронина, жившего в родительском доме на отдельной квартире на холостом положении, собрались приятели.

Низкая, прокуренная комната полна была народа. В табачном дыму краснело пламя догоревших почти до подсвечников свечей, и обитые расписанным красками полотном стены сливались, теряясь в одном общем, нео-пределенном тумане.

У покрытого зеленым сукном стола столпились игравшие. Там то притихали, когда наступала минута ожидания, кому сдаваемые карты покажут выигрыш, то слышались восклицания, отрывочные и неясные, иногда даже слишком — словно выкинули что — громкие, и снова согнутые спины игроков сжимались теснее, и наступала тишина, в которой раздавался приятный и знакомый всем присутствовавшим шелест колоды.

Был тот час пьяной игровой ночи, когда бывшие в обороте деньги распределились уже и понемногу спрятались у прибравших свой выигрыш. Игра перешла на мелок.

Несколько человек, и между ними один, на вид старше всех остальных, отделившись в сторонку, сидели на угольном закаминном диване с длинными французскими трубками и пили вино, не беспокоясь тем, когда проливали и плескали чокаясь.

Посредине на круглом, покрытом залитой вином скатертью столе стояли объедки холодного ужина и бутылки, раскупоренные, выпитые и наполовину еще полные.

Те, которым не везло у игрального стола, отходили, брались за стаканы, подходили якобы послушать, о чем говорят на диване, но снова быстро поворачивались и, точно железо к магниту, тянулись снова играть.

Сам Доронин (он проиграл сегодня много, но не успел еще сосчитать и сознать свой проигрыш) заботился об одном только — чтобы всем было весело и приятно, и то делал, якобы для оживления игры, большую ставку у игрального стола, то подходил потчевать кого-нибудь ужином, то прислушивался и вставлял свое слово в разговор на диване. Он был доволен гостями, и, казалось, гости были очень довольны им.

Гости эти были давно знакомы и с хозяином и друг с другом и часто сходились в гостеприимной квартире Доронина. Большинство из них было на «ты».

Чужим среди них казался только один молодой человек в белом парике и голубом атласном кафтане с галунами английского покроя. В карты он не играл, но внимательно и долго следил за игрой. Он несколько раз отходил от стола и снова возвращался к нему.

Хозяин и гости мало обращали на него внимания. Почти в самом начале вечера, при своем появлении, он сделал неловкость, благодаря которой почувствовалась эта общая отчужденность к нему. Заговорили о празднике, устроенном месяца полтора тому назад князем Потемкиным в его новом Таврическом дворце; говорили, что одного воска для иллюминации было куплено на семьдесят тысяч рублей. Для освещения дворца потребовалось добавить до двухсот люстр. Вообще роскошь была удивительная. Потемкин превзошел сам себя. Праздник был таков, что о нем, казалось, забыть было нельзя, и за-

вистливый ропот удивления, похвал и злословий не умолкал в Петербурге.

Общество, собравшееся у Доронина, принадлежало к сторонникам вновь народившейся при дворе силы — Зубова, и потому здесь открыто порицали Потемкина, который напрасно-де тщится своим «мотовством» вернуть к себе прежнее расположение государыни.

— Да ему, кажись, нечего и возвращать — он никогда не терял этого расположения, да и у Зубова нет таких крыльев, чтобы залететь выше светлейшего.

Проговорил это вдруг молодой человек в атласном кафтане.

Всем стало неловко. Во-первых, в этом кружке не принято было называть князя Таврического «светлейшим», а уж ставить его выше Зубова — совсем было неудобно. Все замолчали и притихли.

— Кто это? — шепотом стали спрашивать гости у хозяина.

Тот, застыдившись и краснея, начал объяснять и оправдываться.

— Это — Орленев, Сергей Александрович, — заговорил он тоже шепотом, — племянник старика Орленева, у которого дом на Фонтанной был... вот что умер недавно. Он жил долго за границей, в Лондоне, и приехал недавно только, именно по случаю смерти своего дяди. Он вовсе не знает Петербурга...

— Да ты-то откуда взял его?

— Я встретился с ним у Гидля, в кондитерской, — снова оправдывался Доронин. — Он сказал мне, что у его дяди был дом на Фонтанной. Он и остановился теперь в этом доме...

Но никто хорошенько не помнил старика Орленева, у которого был дом на Фонтанной.

— И всегда этот Кирюша попадется! — решили кругом. — Очень нужно приглашать незнакомого человека.

И на Орленева стали коситься, и никто во весь вечер не подходил к нему.

Сам он не то чтобы не заметил этого, а держал себя как-то так, словно ему было решительно безразлично, как смотрят на него и что о нем думают. Он остался у Доронина и, не заботясь ни о ком, вел себя совершенно самостоятельно.

Вскоре о нем забыли и перестали обращать на него внимание.

II

Только по временам, когда вдруг с той стороны комнаты, где стояли клавишины, раздавались звуки грустнотихой, хватавшей за душу, увлекавшей музыки, все лицо Орленева оживлялось, и он улыбаясь прислушивался.

У Кирюши всегда вечером на сборищах его приятелей было что-нибудь особенное — певец какой-нибудь, песенники, дворовый мальчишка, пляшущий трепака, или невесть где и как разысканная цыганка, забавно гадавшая желающим.

На этот раз он позвал, чтобы играть на клавишинах, музыканта, впрочем довольно известного в Петербурге и по кондитерским, и по веселым домам, и так вот, по частным вечерам холостых людей. Слыл он полоумным, и в большинстве случаев не столько слушали его игру, сколь-